

Гомеопатическое мироздание

«Может быть, именно поэтому «Миллиард...» числился у нас всегда среди любимейших повестей — это был как бы кусочек нашей жизни, очень конкретной, очень личной жизни, наполненной совершенно конкретными людьми и реальными событиями. Как известно, нет ничего более приятного, как вспоминать благополучно миновавшие нас неприятности».

Б.Стругацкий. «Комментарии к пройденному».

«Телеграмма была от тещи. ВЫЛЕТАЕМ С БОБКЕЙ ЗАВТРА ВСТРЕЧАЙТЕ РЕЙС 425 БОБКА МОЛЧИТ НАРУШАЕТ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ ЦЕЛЮЮ МАМА.

И ниже была приклеена полоска: ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ ТАК».

А. и Б.Стругацкие. «За миллиард лет до конца света».

«...Белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город. Ходили марева над раскаленными крышами, все окна в городе были распахнуты настежь, в жидкой тени изнемогающих деревьев потели и плавилась старухи на скамеечках у подъездов».

Так начинается повесть «За миллиард лет до конца света» («ЗМЛдКС») — точное отражение, настоящий символ всего периода 1970-х в жизни АБС.

Группа ученых, знакомых или не знакомых друг с другом, живущих по соседству или просто в одном городе и занимающихся абсолютно не связанными

В издательстве «Молодая гвардия» в легендарной серии «ЖЗЛ» в апреле этого года выходит вторая за всю её долгую историю книга о фантастах — «Братья Стругацкие». Первой больше полувека назад стала биография Жюль Верна. Автор новой книги — московский фантаст Ант Скаландис, всегда считавший себя учеником Стругацких и так же, как и они, многим обязанный журналу «Знание — сила» — изданию, которое в разные годы открыло не один десяток новых имён в фантастике, а наших классиков публиковало с конца 50-х и до середины 80-х, а главное, помогало им печататься в самые трудные годы. Этим нелёгким годам и посвящена глава книги, предлагаемая вашему вниманию.

между собой темами, вдруг — каждый в своей работе, но почти одновременно — подходят к некоему рубежу, к некоей грани дозволенного, за которой открывается бездна. И тогда против них ополчается само мироздание, сам гомеостазис, то есть равновесие Вселенной. Бывает такое? Конечно, такого не бывает. И если кто-то пытался искать в повести научную логику, мы его поздравляем. Повесть совсем не про науку и не про ученых. Повесть просто о людях — о любых людях, которые впервые в жизни столкнулись с неодолимой силой. И вынуждены думать, как поступить. Вынуждены делать свой выбор.

Любимая тема Стругацких — проблема нравственного выбора — на этот раз обострена до предела и максимально приближена к простым сегодняшним будничным заботам каждого читателя. И конечно, за читателем остается право увидеть в книге и научную фантастику, и мистику, и политику, или самого себя, как в вогнутом зеркале — с пугающим увеличением.

А есть и еще вариант: увидеть в этой повести судьбу. Судьбу самих писателей, впервые так откровенно написавших о себе. Не было во всем их творческом наследии более автобиографичного произведения. И в этой праздничной безнадежности, в этом победном крике отчаяния, в этой колоссальной трагедии обретения и скромной радости потерь отразилась вся их собственная война... нет, не с Системой. Теперь уже не только с Системой, а именно с Мирозданием.

Поначалу пресловутое гомеостатическое мироздание воздействовало на братьев Стругацких — пардон за каламбур — гомеопатически, то есть микродозами. Ну вот, хотя бы для примера.

В сентябре 1967 года они работают над «Гадкими лебедями».

«11.09 — Сделали 3 стр. черновика. Лопнула водяная труба, воды нет, и, говорят, два дня не будет. Творческое настроение упало.

12.09 — Сделали 7 стр. черновика. Вода пошла.

Вечером сделали 2 стр.»

Именно с таких досадных мелочей все и начиналось у персонажей «Миллиарда...». А уж потом прилетали карлики, взрывались шаровые молнии, деревья прорастали сквозь асфальт в одночасье и приходили следователи из прокуратуры. У самих АБС обошлось без карликов и молний, да и взбесившиеся деревья их не донимали (о следователях — разговор особый). Но факторов, мешавших им работать, становилось все больше и больше. И если в конце 1960-х им просто тупо отказывали в публикациях или обкладывали в прессе, то начиная с 1970 года Мироздание стало проявлять фантазию: книги, выходящие за рубежом, болезни, семейные проблемы... А уж когда они разгадали эти козни и рискнули назвать вещи своими именами, написав повесть, по ним открыли огонь из главного калибра: разгон редакции, доносы, расторжение договоров, хирургическая операция, едва не завершившаяся трагически, погибшая пленка фильма «Сталкер», развод дочери, отчисление из института сына, сердечный приступ, смерть матери, инфаркт..

В это можно верить или не верить. Можно обращаться за помощью к религии или к науке. А можно до последнего иронизировать надо всем. Одного нельзя — не обращать на это внимания, особенно, если ты писатель и наблюдательность вкупе с талантом аналитика — твое главное оружие. Справедливости ради заметим, что в ситуации повести гомеостатическому мирозданию глубоко наплевать верить в него или не верить, оно просто предлагает играть по своим правилам. В жизни все еще хуже, гораздо хуже: жизнь вообще не предлагает играть, ни по каким правилам, и потому от реального давления не помогают ни логические выкладки, ни молитвы, ни упреждающая стрельба, ни самоирония...

Так можно ли говорить, что материал для повести дали сами судьбы АБС, все эти неслучайные случайности, перерастающие в закономерности? Однозначного ответа не будет.

БН подчеркивал всегда и теперь повторяет, что творчество их никакого от-

ношения ко всем вышеперечисленным событиям не имело и гомеостатическое мироздание — не более чем литературный образ. АН придерживался более осторожного мнения и на прямые вопросы частенько отвечал, что да, конечно, испытывал он на себе давление, вполне загадочное и тем более сильное, чем серьезнее становились их с братом замыслы.

И, следовательно, каждый читатель волен выбирать более симпатичную ему точку зрения. Лично я выбираю точку зрения АН не потому, что настаиваю именно на ней, а потому что для написания биографической книги такая гипотеза намного продуктивнее. Так, например, когда академика Иосифа Самуиловича Шкловского спрашивали, действительно ли он убежден в нашем одиночестве во Вселенной, он отвечал, что нет, конечно, просто, отталкиваясь от подобного утверждения, наиболее удобно выстраивать доказательную базу.

И вот теперь, покончив с этим затянувшимся предисловием и приняв как данность существование коварного Мироздания, проанализируем 1970-е годы в жизни АБС под этим углом зрения. «Бог суров, но не злонамерен», — остроумно сформулировал как-то Альберт Эйнштейн. Мы предположим, что все-таки злонамерен.

Небывалый за последние два столетия зной случился и в Москве, и в Питере летом 1972-го, то есть за два года до написания повести. Потом жара тоже была, но не такая. А в 1972-м, во-первых, термометр зашкаливал в тени за 35 градусов неоднократно, а во-вторых, жара держалась с июня и по август, и потому запомнилась всем. Даже тем, кто на целый месяц уезжал куда-нибудь в отпуск — в более прохладный Крым или Сочи. Ну а пожары лесные были такими, что даже советские газеты замалчивать их не могли. Нелепо врать, когда по утрам граждане выглядывают в окошко, а там сизая дымка висит в спертom раскаленном воздухе и все вокруг пропахло торфяной гарью...

Однако начнем по порядку. С января не удастся — нет никаких записей, а практически весь февраль 1970-го АБС работают в Комарове над «Градом обреченным» (название следует читать архаично — через «е», а не через «ё», что всегда подчеркивали авторы, так как название они позаимствовали от картины Николая Рериха). Это их самый большой долгострой, и вещь по определению обреченная на долгую (или вечную?) жизнь в темнице письменного стола.

Может быть, поэтому Мироздание воспринимает ее спокойно, равнодушно.

А стоит им только в апреле там же начать придумывать «Малыша» — якобы проходную, совершенно никчемную вещицу — и сразу у БН болят зубы, ангина, простуда, и расстроенный АН бежит за водкой — какая уж тут работа! Приезжает Ада, они переключаются снова на «Град...», и всё постепенно восстанавливается.

Работа над «Малышом» шла вообще необычайно туго. БН объясняет это сегодня очень просто: оба не хотели над ним работать. Хотели они писать «Град...», но это ведь только для души, а надо было еще РАБОТАТЬ, то есть писать нечто такое, что напечатают прямо сейчас. Нет, было бы совсем неправдой утверждать, что «Малыш» написан только для денег. Они вдвоем вообще никогда и ничего не писали только для денег (хотя деньги, безусловно, были нужны). Писать и тут же публиковаться было необходимо, чтобы про них не забывали, чтобы знать сегодня, сейчас мнение современников о себе, чтобы оставаться на плаву в широком смысле, чтобы держать марку. Вот для чего писали «Малыша».

А получилась-то совершенно гениальная повесть. И это я не для красного словца, а со всей ответственностью. Во-первых, считаю так не я один, а во-вторых, объясняю. Да, это была первая из прочитанных мною книг АБС — «Полдень» плюс «Малыш», но прошли годы, я перечитывал «Малыша» много раз, в том числе и совсем недавно. Впечатление менялось, но ни разу оно не тускнело. Более того, я наконец понял главное: если б ни эта вторая маленькая повесть, сам мир Полдня не произвел бы на меня того магического действия.

«Малыш» был не просто важным, но обязательным дополнением к роману в рассказах. «Малыш» был настолько же лучше, ярче, сильнее «Полдня», насколько «Полдень» превосходил «Туманность Андромеды». Потому что «Полдень» — все-таки наивен, как все вещи ранних АБС, со всем их шестидесятилетним коммунизмом (даже для читателя 1976-го года); потому что «Полдень» — это все-таки сборник, не достаточно ровный в своей фрагментарности; потому что «Полдень» — местами (подчеркиваю — местами) слишком описателен, поверхностен и даже условен. А к моменту создания «Малыша» придуманный авторами мир доведен уже до такого совершенства, что никаких объяснений не требуется. Мы просто верим с первых страниц, что этот мир существует, что авторы сами жили в нем, а значит, и мы обязательно там окажемся. Стопроцентный эффект присутствия достигается благодаря высочайшей отточенности каждой фразы, благодаря кропотливому и последовательному выстраиванию этого мира в течение десяти лет и, наконец, благодаря завидной вере самих авторов в предлагаемые обстоятельства (строго по Станиславскому). «Малыш», на мой взгляд, лучшая повесть всего цикла. Более выразительного и точного портрета той будущей эпохи Стругацким уже не удастся создать, потому что в двух последних повестях о мире Полдня они столь же последовательно займутся саморазоблачением. «Жук в муравейнике» — тоже шедевр. Но только очень грустный, а «Волны гасят ветер»... Впрочем, об этом позже.

Итак, появление на свет «Малыша», этой «благословенной вершины, купающейся в лучах солнца» (говоря словами старого утописта Эдварда Беллами), не могло пройти незамеченным для Мироздания. Мироздание сопротивлялось.

«Малыш» был написан в пять заходов. Работа над ним заняла собою почти весь год (параллельно с «Градом...»). Последняя точка в чистовике поставлена 6 ноября в Комарове. И тут же АБС напишут заявку на сборник в «МГ». Придумают ему название — «Незначенные встречи» и предложат включить туда «Дело об убийстве» (именно под таким названием хочется им переиздать «Отель...»), свежее испеченного «Малыша» и ненаписанный еще «Пикник на обочине». Тираж этого сборника придет из типографии через десять лет — в конце октября 1980 года, но об этом отдельный большой разговор впереди. А пока заметим лишь, что с заявкой они явно погорячились и вконец расстроили Гомеостатическое Мироздание.

В тот же день в Москве старшая дочь АНа, Наташа, выходит замуж за Эдика Фошко. То, что отца нет на свадьбе — это нормально. Такой уж он человек: взял и чисто по-абызовски «облокотился» на все общенародные праздники, на все юбилеи, семейные даты и прочие условности, включая похороны, свадьбы и рождения детей. В комментариях тут нуждается другое. Что дает мне право рассматривать Наташин брак как наказание за победу над «Малышом» и смелую заявку? А вот что.

Ну да, девушке всего девятнадцать, и для родителей это — шок, но на самом деле молодые любили друг друга, формально были уже взрослыми, и они ни в чем не ошиблись, они до сих пор счастливо живут вместе (с 1991 года в США). Эдуард Фошко — крупный специалист в области информационных технологий и успешный бизнесмен, но... Читатель все ждет подвоха. И правильно. Это сегодня он крупный специалист, а тогда был просто студентом — без денег и без всякой жилплощади. И вот в квартире у АНа снова такой до боли знакомый дурдом: комнат много, а жить негде. Молодые — отдельно, старики — отдельно, среднему поколению Аркадию и Лене — что осталось, но есть еще Маша — пятнадцати лет от роду, от Наташи ее выперли, и она теперь ощущает себя где-то наравне с любимым пуделем Лелем — покормить и погулять не забывают, но, в общем, никому не нужна — хоть удавится.

И вот в такой обстановке они будут жить целый год. Выход один — новая квартира. Нахалюва — не дожدهшься, надо покупать, но все подорожало, а ма-

териальное положение уже далеко не лучшее. Все стоят на ушах — какая уж там работа? В Москве — никакой. АН будет охотно и подолгу пропадать в Ленинграде и Комарове, но не может же он перебраться туда насовсем. Впрочем, почему не может? Возможно, именно тогда подобная мысль посещает его впервые. А то и не впервые — все-таки они оба в душе ленинградцы, петербуржцы... Но все это мечты, а реальные московские проблемы все дают, дают и дают...

Едва заканчивается ноябрь, АН снова в Ленинграде. Почти до самого Нового года они пишут в Комарове «Град обреченный». Тогда же возникают первые наброски «Пикника...» — некий план по пунктам. Это серьезный вызов Мирозданию. Но ничего толком сделать в этот приезд не удастся.

В самом начале следующего, 1971 года выходит в «Детлите» многострадальный «Обитаемый остров», в набор его сдали еще в июле 1970-го. Это была их последняя книга перед долгим-долгим перерывом. И кстати, последняя книга, которую еще хоть где-то, по случаю можно было просто купить в книжном магазине. Дальше началась эпоха черных рынков и безумного дефицита на все.

6 января АН с Леной в гостях у Биленкиных — к дню рождения Тани приготовлен традиционный и самый дорогой для всех друзей подарок — рукопись новой повести. Это — «Мальш».

А в феврале — опять Комарово. АН неважно чувствует себя: несколько раз, оставляя БНа в доме творчества, ездит в город. 23 февраля, в День Советской армии в рабочем дневнике справа от обычных записей с ежедневным подсчетом написанных страниц рукой БНа сделана странная запись:

«Все равно мне не дожить».

До чего? Имело это отношение к будущей повести? Возможно. Или к реальной жизни? Выглядит жутковато.

И тут на них сваливается сюрприз из Франкфурта — «Сказка о Тройке» в «Гранях». Несколько озверев, братья начинают работать над «Пикником...» все быстрее и быстрее и 4 апреля заканчивают черновик.

16 апреля в Москве АН едет к Вансловой за первой порцией редакции по «Миссии тяготения» Холла Клемента (этот перевод он делал в одиночку) и потом жалуется в дневнике:

«Мне не везет: третью книгу у Девиса перевожу, и третий раз получаю нахлобучку за стилистическую безграмотность авторов. <...> Вижу, одобрения в ближайшее время не будет».

В общем, и с переводами — все не слава богу.

В этот же день он сидит с «Трижды смертником», составляет для него список действующих лиц. Имеется в виду сценарий для «Молдовафильма» по заказу московского режиссера Юрия Борецкого. АН ездил туда еще в январе в надежде на фильм.

Вообще 1971 год отмечен немалым количеством всякой суеты, далекой от литературы. И это несмотря на то, что АБС работают, в первую голову, над одной из лучших, можно сказать, программных повестей — «Пикником...», а к тому же, как и год назад — над сокровенным и особо дорогим «Градом...». В чем же дело? Предчувствие скорого безденежья? Или все еще катит их инерция того колоссального заряда, того невероятного фонтана идей и творческой энергии, что позволял в минувшие десять лет успевать ВСЕ? Наверное, и то, и другое.

А в целом — упрямая борьба с Мирозданием.

Сентябрь в Комарове: серьезной работе посвящается только неделя. Потом и здесь начинается всяческая киночехарда:

«Предлагаем заявку на сценарий полнометражного научно-публицистического фильма-проблемы «Встреча миров» (название условное)».

Киноминиатюры «За успех!», «Дьявольская шкатулка», «За проходной», сюжет для т/ф «Выбор пал на Рыбкина».

20 сентября АН уезжает в Москву, а через месяц уже назад. В Москве ему

явно не сидится. В этот приезд они рванут и к 3 ноября поставят заветную точку (вернее, восклицательный знак) после тех самых слов, которые сегодня знает наизусть каждый уважающий себя поклонник АБС: СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ! «Пикник на обочине» завершен.

Незадолго до этого, 30 октября есть примечательная запись:

«Утверждаю, что к октябрю (30 окт.) 1976 года не запустит и даже не построят Шахбазян никакого баллона, о котором стоило бы говорить, а в том поставит мне Адка бутылку хорошего коньяка».

И подпись: А. Стругацкий.

Юрий Леонович Шахбазян был старым другом БНа и Ады, а в то время — зав. отделом астрономической техники в ГАО. И речь у них шла о запуске стратосферного баллона с телескопом, каковой в те годы и готовился. Аделаида Андреевна утверждала, что все состоится строго по плану, АН же сильно сомневался в этой затее. И оказался прав. Однако записи о распитии бутылки в 1976-м найти не удалось.

А вот из письма БНа Борису Штерну (понятно, в ответ на комплименты):

«Пикник» и с нашей точки зрения получился довольно удачно (скажем, на «четверку», если считать, что «Отель» на тройку, а «Улитка» на пятерку»).

Какая строгая самооценка! Не каждый с нею согласится. Я, например, не соглашусь: «Пикник...», безусловно, одна из вершин творчества АБС, равновеликая и «Трудно быть богом», и «Улитке...», и «Миллиарду...», и «Жуку в муравейнике». Но для понимания авторского взгляда на вещи эта фраза очень важна.

Тем временем «Малыш» (который по БНу вообще где-то между двойкой и тройкой) выходит в «Авроре» в четырех номерах с августа по ноябрь. Это приятно — есть, что подарить друзьям.

Они еще неделю проведут вместе, гуляя, болтая о политике, сочиняя письма — в Киев, например, по поводу экранизации «Понедельника...». Потом, неожиданно вернувшись мыслями к давнему «Кракену», распишут нечто вроде плана, будут обсуждать новый сюжет — «Страшные события на рифе Октопус», хотя сам по себе топоним «риф Октопус» тоже уже весьма не нов. Но эти идеи ни во что серьезное не выльются. А под конец они придумывают забавную пьесу о пресловутой mensura Zoili — тут уже последствия, как известно, будут, правда, через десять лет. А двумя днями позже появится запись:

«Пьеса о совести».

Все та же или другая? Нет ответа.

10 ноября АН уедет, но 1 декабря ухитрится приехать еще раз, чтобы снова поработать над «Градом...» и даже над легкой переделкой «Гадких лебедей» с новым, якобы безобидным названием — «Время дождя». Ах, если б дело было в названии! Но последняя надежда еще тлела. А где-то в ФРГ уже вертели в руках рукопись и прикидывали, куда бы ее отдать, или уже решили куда, и только размышляли, в какой номер...

Год кончается, квартирный вопрос решен. Найдены три тысячи рублей на аванс (изрядную часть занял у Манина, самого состоятельного тогда из друзей), получена рассрочка оставшейся суммы (что-то около двадцати тысяч) — на пятнадцать лет. Но сам переезд на новую квартиру словно бы и не имеет к АНу никакого отношения. До сего эпохального события остается какая-нибудь неделя, а он никуда не торопится. Странно. Дело, конечно, непростое, хлопотное, но ведь все-таки радостное, а ему важнее быть в Ленинграде у БНа...

Разумеется, Новый год АН встретит в Москве, с семьей. Одновременно отмечается и новоселье — на последнем, шестнадцатом этаже высокого и длинного дома №119 по проспекту Вернадского в двух шагах от метро «Юго-Западная». Вид оттуда открывается изумительный, особенно с балкона: на другой стороне улицы церковка, а дальше, за нею — кольцевая автодорога и леса, по-

ля, речушки... В ясную погоду, наверное, можно разглядеть аэропорт «Внуково», во всяком случае, как самолеты взлетают, видно хорошо. (Кстати, и этот вид из окна — с церковкой, и собственно дом Стругацкого, даже конкретно его подъезд и снаружи, и внутри — вошли в классику советского кино благодаря «Иронии судьбы», Рязанов именно там всё это снимал). Было немножко непривычно на новом месте, но вообще всем скорее нравится, и АН будет до самых последних дней любить и свою квартиру, и дом, и прилегающий к нему очень зеленый микрорайон. А главное, теперь у них с братом есть возможность работать в Москве. Правда, на следующий год они ее никак не используют. Инерция? Или опять происки Мироздания?

Плодотворность работы в 1972-м оценить трудно. Записи в дневнике АНА коротки, нерегулярны, записи в рабочем дневнике — еще более скупы и отрывочны.

Уже на Старый Новый год АБС в Комарове. Увлеченно делают сценарий «Понедельника...» для киностудии Довженко. Вроде и денег обещали, и на фильм надежда есть, и получается неплохо — самим интересно.

21 января забавная запись:

«В магазине продаётся «Ойло Союзное», 2 руб. с чем-то».

Вообще, эту восточную сладость с типично советским названием обычно именовали в женском роде — ойла союзная, но с легкой руки АБС после «Хромой судьбы» средний род становится общепринятым.

Расставшись в конце января, они встретятся только в начале апреля и с 12-го по 23-е будут писать «Град...». Дело пойдет хорошо, и отдохнув друг от друга меньше месяца, они откроют следующий раунд 21 мая. И вот 27 мая будет закончен черновик «Града обреченного» и даже проведен полный подсчет по дням — как писался этот роман в шесть приемов с 19 февраля 1970-го. Объем большой. Темпы впечатляющие. Ситуация непривычная. Получилось не просто здорово — получилось очень здорово. Они сами так считают. А похвастаться практически некому. Ближайшим друзьям? Да стоит ли? Ведь на этот раз они писали свою новую вещь, напрочь забыв о цензуре. Даже ненормативная лексика мелькает, а уж «неуправляемые ассоциации» завели авторов так далеко, что впору отправлять роман сразу в «Посев».

И что это на них накатило?

Раслабившись после завершения, думали над сюжетом космического мультика, заявку на который подадут 10 августа под названием «По следам Космического Негодяя», явно напоминающем о песне Высоцкого. Разделили обязанности. АН стал писать сценарную разработку, БН правил «Пикник...». Первые замечания из «МГ» уже поступили, и пока еще казалось, что все в пределах нормы.

3 июня АН уедет в Москву, и вот там уже станет ясно, что удачи кончились и в целом год не удался.

Жара, торфяная гарь, тяжкие думы и начало восьмилетней войны с «Молодой гвардией» за издание «Пикника...». В июле придет седьмой номер «Авро-ры» с началом повести, журнал благополучно закончит публикацию к октябрю, но в «МГ» все отложится на неопределенный срок, как и предупреждала Бела еще на стадии заявки. Конечно, никто пока и не подозревает, как надолго это затянется, в кошмарном сне не придумаешь таких сроков, но предчувствие нехорошее уже есть, тягостно на душе у обоих авторов, поганно.

БН летом не столько отдыхает, сколько помогает жене по ее научным делам. Жара немилосердная, но он продолжает работать, словно всем назло.

Так же прямолинейно сопротивляется Мирозданию Аркадий: что-то пишет, что-то переводит с японского и английского, с кем-то встречается, особенно часто с Марианом Ткачевым. Именно в начале 1970-х давние знакомые становятся настоящими друзьями. Пожалуй, в этот период никого ближе у Аркадия не было. Они начинают играть в «Звездную палату». Учредив этот загадоч-

ный орган, в котором Мариан значится Президентом, его жена Оксана — почему-то королевой, а Аркадий — канцлером. 12 октября 1972-го сделана первая запись в блокноте Ткачева, под которой стоят обе подписи:

«Плод господина Президента зачислен в Звездную палату в чине лейб-рядового».

Оксана ждет ребенка, и до самого рождения мальчика Саши 20 мая 1973 года чины и звания его будут неуклонно расти вплоть до майора (независимо от пола). Новорожденный сразу станет полковником, ну и так далее...

Благодаря Ткачеву круг общения АНа в очередной раз расширяется, но в итоге — как обычно — происходит, выражаясь языком спортивным, частичная, но весьма значительная смена состава. В новой веселой команде состоят: Владимир Брагин, работающий на ТВ; Александр Исаевич Калина, одессит, друг детства Марика, крупный инженер-изобретатель, в конце 1970-х уехавший в Америку; Леонид Спекторов по кличке Дантон, искусствовед; Василий Георгиевич Загорский, первый секретарь Союза композиторов Молдавии, регулярно наезжающий в Москву; Владимир Яковлевич Лакшин, блестящий литературный критик; Юлий Крелин (настоящая фамилия — Крейндин, да уж больно тяжело произносить!), хирург и писатель. Тут же следует назвать и некоторых персонажей, уже знакомых по прежним годам, но тоже входящих в круг постоянного общения Ткачева, и потому теперь АН видится с ними чаще: Аркадий Арканов, Влад Чесноков, Мира Салганик, Михаил Ильинский, Алексей Симонов, Эмиль Левин, Георгий (Жорж) Садовников, Теодор Гладков. С этими людьми он частенько сживал в ЦДЛ, а ввиду некоторой стесненности в средствах все больше и по квартирам или в заведениях попроще — например, в знаменитой «антисоветской» шашлычной на Ленинградском проспекте напротив гостиницы «Советская» (откуда и название). Туда удобно было заходить после посещения Литфонда или какой-нибудь писательской квартиры в районе метро «Аэропорт», да и до Марикова дома на Малой Грузинской — тоже пешком дойти. У Марика он, как правило, и бывает. Нередко даже ночует у него. К себе не очень зовет. Во-первых, далековато, а во-вторых, Лена всю эту компанию во главе с Мариком недолюбливает, полагает, что толку от них никакого — одно пьянство и пустые разговоры. Разговоры, быть может, и не пустые, а пьянство — это да. В отсутствии видимого противника, то есть без четко поставленных литературных задач с конкретными сроками, соблазн просто посидеть за столом в хорошей компании весьма велик. Но мы рассказываем о лете 1972-го. Что можно пить в такую погоду? Наверное, только пиво или сухое вино из холодильника. В общем, они так и делали, но ближе к ночи все же переходили и на крепкие напитки.

Однако и это не помогало. Время тянулось мучительно медленно, словно кто-то заколдовал его. Несколько раз АН даже поддается на уговоры, и пробует прятаться от зноя на чьих-то дачах. Например, у тетки Марика в Одинцово (там сделана единственная фотография, где сидят рядом АН, Ткачев и Арканов). Оказывается, за городом нисколько не легче: на дачах нет душа с горячей водой, зато свирепствуют мухи и комары.

Наконец, наступает осень и становится чуточку веселее. 23 сентября Марик во второй раз женится, теперь на совсем юной восемнадцатилетней Оксане — это в свои-то сорок девять! Оксана очень мила. Она наполовину китаянка. Свадьбу играют скромную — в загсе у Белорусской и потом у Марика дома, но даже для такого скромного мероприятия Аркадий в своей футболке от тренировочного костюма выглядит как-то уж слишком эпатажно. Лена не сумела уговорить его надеть нормальную рубашку. Про галстук и речи не было. На старой квартире можно было хотя бы взять у Ильи Михайловича. А теперь никто не знает, есть ли вообще в доме такой предмет — мужской галстук. Но репрезентирует АНа то, что он, конечно, становится тамадой на празднике, выдает экспромты, в том числе и стихотворные. Например, в таком духе:

*На оливу, сей символ старинный
 Не смотри однобоко и узко.
 Что такое олива? Маслина.
 Что такое маслина? Закуска.*

Подобными виршами были исписаны все стены в кухне у Ткачева — по аналогии со знаменитым буфетом в ЦДЛ. Жаль, что после довольно скорого (в 1976-м) развода Ткачевых и ремонта всем было не до того, и надписи канули в лету, как смытые волною рисунки на песке.

А тем временем (конец сентября — начало октября 1972-го) БН впервые едет за границу. Его пригласила в Польшу их переводчица и уже многолетний друг Ирена Левандовска. Тоже событие и, разумеется, приятное. Во-первых, сам факт, что выпускают, пусть хоть в братскую страну, а во-вторых, интересно же! Встречи в Варшаве в основном деловые — с издателями, точнее, даже с бухгалтерами издательств. Ирена помогала собрать деньги со всех, кто был должен, а переводов к тому моменту накопилось уже много. Город тоже удалось посмотреть. Меж тем ни о какой перевозке валюты через границу не могло быть и речи. Да и какая валюта — злотые! Деньги надлежало тут же и потратить — на себя и на АНа (по возможности). Посоветовавшись, купил что-то из одежды и обуви, а для себя — конечно, марки, чтобы деньги не пропали. Увлечение филателией, еще в 1960-е было у БНа весьма серьезным, а теперь он интуитивно или продуманно, но поступает мудро: марки — это грамотное вложение денег, перевод средств в некую универсальную валюту, легко перевозимую из страны в страну. Гонорары были не такими, чтобы на них жить, но все-таки и не копеечными, тиражи-то в Польше совсем немаленькие: от тридцати до пятидесяти тысяч — это даже по советским понятиям нормально.

Обратно он едет, конечно, тоже через Москву, рассказывает о Варшаве АНу и друзьям, заходящим на огонек. Хоть квартира и на окраине, но все-таки у самого метро. Многие с удовольствием приезжают. Любопытно, что БН впервые видит эту квартиру именно осенью, правда, еще по дороге туда.

Ну а почти сразу после отъезда БНа домой на них и сваливается знаменитая история с «Гадкими лебедями». Там же, в «Посеве» издают еще и «Улитку...», но это уже семечки. После «Лебедей» все равно — пусть хоть все издадут. Вот какая славная запись есть в дневнике:

«14.11.72 <...> Был у Ильина. Принял он меня любезно. Предложил писать протест. А наш протест насчет СоТ остался у него, он его не передавал, лежит в моем досье. Досье претолстое. Намекнул, что окажет помощь с МолГв».

АН ощущает жуткую усталость и сбегает из Москвы вместе с Еленой Ильиничной в Малеевку. Там с 1 по 24 декабря он, не торопясь, занимается переводами, придумывает новый сюжет, названный после «Мальчик из преисподней», гуляет с Леной по зимнему лесу, они вместе выпивают по чуть-чуть и смотрят по вечерам кино. Семейная идиллия. Но на душе тревожно, ничего хорошего не ждет АН от наступающего года.

В 1973-м первый приезд в Ленинград — в конце февраля, на неделю. Второй — через два месяца, еще более скоропалительный. Но 23 апреля они успевают написать план «Миллиарда...».

1. «Фауст, XX век». Ад и рай пытаются прекратить развитие науки.
2. «За миллиард лет до конца света» («до Страшного Суда»).

Диверсанты

Дьявол

Пришельцы

Спруты Спиридоны

Союз 9-ти

Вселенная...»

О как! За один день придумано все: и название, и главная идея, и даже варианты объяснения происходящего с уже заложенной внутрь иронией. Особенно хороши спруты Спиридоны. Собственно, им и не надо было ничего придумывать, надо было просто записать не вчера возникшие ощущения. Ад и рай пытаются прекратить не развитие науки, а нагло и уже давно вмешиваются в их творческий процесс.

Как раз в этот период у АНа возникли известные обстоятельства, о которых мы вынужденно умолчим, но заметим, что именно они создали мощный фон, позволивший авторам предположить, что Мироздание больше не шутит, а бьет по ним прямой наводкой и даже не из стрелкового оружия, а из каких-нибудь установок залпового огня. Надо бы залечь, затаиться, но они продолжают вести боевые действия, двигаясь мелкими перебежками вдоль линии фронта. Именно мелкими: там — неделя, там — вообще три дня. Меж тем написан не только план, но и заявка на новую повесть — для «Авроры». Работать всерьез мешает еще слишком многое. Только 12 мая БН приезжает в Москву писать «Миллиард...». Парадокс: такую ленинградскую повесть — начинать в Москве. Не иначе, пытались они перехитрить Мироздание, огорошить его первым опытом совместного творчества на новой квартире. Огорошили. Но выдержать удалось только девять дней.

И заметьте, как осторожно сообщает об этой работе БН, например, в письме Борису Штерну в начале июня:

«Будем писать новую повесть. Уже сейчас видно, что писать будет трудно — и сюжет не простой, и фон для нас необычный. Ладно — бог не выдаст, свинья не съест».

Следующая встреча состоится опять в Ленинграде, но уже для другого. АН нагрязнул внезапно в 20-х числах июня и предложил срочно делать тот самый сценарий, придуманный в декабре. Якобы есть шанс запустить его в работу чуть ли не на «Мосфильме» (потом оказалось, что на Одесской киностудии, и деньги были получены именно оттуда). Идея увлекает обоих, и за три дня подробная разработка сценария готова.

А вообще лето в том году весьма бурное.

Маша поступает в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) — при поддержке Шилейко, который там преподает. Благополучно.

На свой сорокалетний юбилей 18 июля в Переделкино АН с Марианом Ткачевым приглашает Евгений Евтушенко (они хорошо знакомы по Вьетнаму).

В процессе поисков работы (хоть какой-нибудь, хоть технического перевода!) АН знакомится в Институте США и Канады с Владимиром Петровичем Лукиным — будущим известным политиком, ныне уполномоченным Президента РФ по правам человека. Они окажутся симпатичны друг другу и станут встречаться регулярно. Как правило, на квартире у Лукина в начале Ленинского проспекта. Там собирается интереснейшая компания: давно любимый АБС поэт и бард Юлий Ким, еще менее известный, но один из талантливейших и самых знаменитых в будущем бардов Алик Городничкий, выдающийся философ XX века Мераб Мамардашвили, явно родившийся не там и не тогда — тяжело ему было в Советском Союзе, где, кроме марксистско-ленинской, никакой другой философии не признавали. Ах, если бы хоть кто-то записывал тогда увлекательные беседы этих интеллектуалов! Одна надежда: может, в архивах КГБ сохранились записи? Это даже не шутка: квартиру Володи Лукина, после работы в Чехословакии попавшего в немилость, вполне могли прослушивать.

А вот с работой у АБС в 1973-м как раз ничего не получается.

Техническими переводами, чтобы классик не умер с голоду, обеспечивает АН в основном все тот же безотказный Леша Шилейко. Он в это время заведующий кафедрой электроники в своем институте и куча уникальной документации приходит к нему как раз из Японии. АН японские рефераты шелкает как

орешки, и они с Алексеем даже задумываются над созданием японско-русского технического словаря.

У самого Шилейко как раз все идет хорошо, не только в науке: в соавторстве с супругой Тamarой выходит у него первая научно-популярная книжка — «Кибернетика без математики», пока в издательстве «Энергия» и скромным тиражом. Но лиха беда начало! Следующие будут и в «МГ», и в «Детлите», и тиражи там будут впечатляющими. Свой литературный дебют Алексей и Тамара отмечают с Аркадием и Леной в любимом ресторане «Минск» на улице Горького, где то ли метр знакомый, то ли повар (сегодня на Тверской такого ресторана нет, сломали вместе с гостиницей, причем совсем недавно).

А еще в 1973-м победно заканчивается война во Вьетнаме. Об этом будет много разговоров с Ткачевым и его друзьями, в том числе и самими вьетнамцами. И первые страницы повести «Парень из преисподней» получатся насквозь вьетнамскими — для тех, кто понимает. Правда, сегодня БН уверяет меня, что на Вьетнам там и намека не было, а весь военный антураж заимствован из любимшейся тогда авторам книжки писателя из ГДР Дитера Нолля «Приключения Вернера Хольта», оттуда даже взят эпиграф. Но что поделать, если в описании дикой деревни аборигенов на болотах, Мариан Николаевич сразу узнал свои рассказы АНу о Вьетнаме? А сегодня уже и переспросить-то не у кого...

И будет в том году 11 сентября (что за богом проклятый день?) — кровавый переворот в Чили, убийство Альенде, приход к власти Пиночета.

А по холодной и пыльной поверхности спутника Земли мирно покатит уже второй по счету советский луноход.

В конце лета, судя по всему, АНу удастся получить аванс под сценарий, и 10 сентября БН приезжает в Москву доводить текст до ума. Потом они звонят по всяким делам, и всё кругом неутешительно: с договором в «МГ» по-прежнему ничего нового, в «Союзмультфильме» дают полный отлуп по заявке на «Погоню в космосе» (в итоге «Негодяй» называется именно так). Еще они пишут некий комментарий для «Литгазеты» (никаких публикаций там в 1973 году не отмечено) и, наконец, ходят по друзьям и принимают друзей у себя: Манины, Миреры, Ревичи, Биленкины. О «Миллиарде...» даже не вспоминают. Не до него уже. Да и к работе над сценарием с длинным теперь названием «Бойцовый кот возвращается в преисподнюю» АБС вернутся лишь во второй половине октября тоже в Москве. А пока 18 сентября они расстанутся и... как в песне: «Дан приказ ему на запад...» Это про БНа, который опять едет в Польшу. АН — совсем в другую сторону, ему предлагают поработать сценаристом на «Таджикфильме». Заманчиво! Он сорвется туда в свою первую двухнедельную командировку прямо на следующий день — 19-го, и ему там понравится.

Ну а БН едет в Варшаву по уже накатанной дорожке, только теперь вместе с женой. Заниматься покупками вдвоем — это совсем другое дело, да и вообще здорово! Получается настоящий отдых за границей. Поездка будет омрачена лишь одним весьма симптоматичным приключением.

В эти годы БН все больше общается с диссидентами, собственно, очень многие его друзья мало-помалу становятся вполне сознательными противниками Системы — не только читателями и распространителями, но и авторами самиздата. Почти за год до этого, рассказывая о «Гадких лебедях», АН припишет в письме брату, которое отправляет с Адой, а не шлет по почте (вот до чего серьезно все!):

«Хотел все нижеследующее передать с Адкой на словах, однако тут выяснилось, что память у твоей супруги — ой-ёй-ёй. Так что главное доверяю бумаге, а ты уж сам усмотри, сжигай ее по прочтении аль нет. И вообще насчет всевозможных мер, касательно твоих преступных связей».

Весьма характерно это ироничное, но совсем не смешное дополненьце о «преступных связях».

Так вот, теперь преступные связи БНа распространились и за пределы нашей великой родины, друзья дают ему координаты в Польше, и он знакомится с местными вольнодумцами, а там — куда проще доставать запрещенную литературу. И на это противозаконное чтение в номере отеля они потратят львиную долю своего времени. Но Варшава — это все-таки не Франкфурт-на-Майне, стукачей у них не меньше, чем у нас, и на границе БНу с Аделаидой Андреевной устраивают такой шмон, какого они ни до, ни после не знали. Каждый сверток потребовали развернуть, все карманы предложили вывернуть. У них искали эту самую антисоветскую литературу. Слава богу, хватило жизненной мудрости ничего с собою не тащить, но ощущение все равно осталось мерзкое.

Вот еще и таким образом проявило себя коварное Гомеостатическое Мироздание. Впрочем, пока оно предпочитает водить АБС за нос, заманивая их невесть куда мифическим кинопроектом. Что показательно, они впервые получают за свой кинотруд все сто процентов гонорара, но в будущем не только не будет никакого фильма, но и текст сценария исчезнет безвозвратно.

Однако АБС и тут всех перехитрят. Параллельно со сценарием они задумают и в следующем году быстро и с удовольствием напишут небольшую повесть на тот же сюжет. Напишут и без проблем пристроят в любимую «Аврору».

Ну, а в конце года им уже не придется поработать вместе. АН, правда, предлагает сделать из отвергнутого мультфильма сказку для журнала «Костер». Может быть, они бы еще успели. Но БН не хочет. Ему это скучно. Ему гораздо интереснее предложить Дмитревскому безобидную главу из «Града обреченного» — пусть подумает, где это можно печатать. Дмитревскому нравится, но опубликовать, конечно, не удастся.

И еще БНу интересно набрасывать в рабочем дневнике смешные тексты наподобие тех, что они вдвоем придумывали в течение года, пребывая в несколько раздрыганном состоянии. Большая часть этих сюжетов через десять лет будет небрежно перечислена в «Хромой судьбе» под видом современных сказок Феликса Сорокина, что-то ляжет в основу «Повести о дружбе и недружбе», что-то пропадет навсегда...

Меж тем АН 10 декабря вновь спасается бегством, улетая в Таджикистан на заработки. Ведь когда соавторы не вместе, Гомеостатическое Мироздание полностью утрачивает к ним интерес. А там, в Душанбе дела серьезные — сценарий двухсерийного телефильма и девять тысяч рублей на финише. Правда, фантастики в этом «шедевре» никакой. И для БНа работы нет, так что это очень похоже на известную схему из будущего «Миллиарда...», когда Мироздание покупает человека, как покупали героя повести Вальку Вайнгартена.

Итак, АН «продался». Объявлено перемирие до февраля.

И «Малыш» выходит в лениздатовском сборнике «Талисман» с чудесными иллюстрациями Льва Рубинштейна; и первую главу «Пикника...» Беле Ключевой удается пропихнуть в значительный 25-й том Библиотеки современной фантастики; и переведенные АНОм новеллы Уильяма Джексона под общим названием «Старые капитаны» выйдут в альманахе «Мир приключений»; а в журнале «Азия и Африка сегодня» — рассказ Тору Миёси «Девушка для танцев». Год завершается на вполне мажорной ноте.

Новый, 1974-й АН встретит в Душанбе.

30 января он возвращается в Москву, а уже первого февраля на него сваливается БН. Во-первых, соскучился. А во-вторых, время не ждет. Все придумано, все идеи созрели, надо садиться и писать. За пару недель будет сделан черновик «Парня...» и после совсем небольшого, недельного перерыва АН — алаверды — прибудет в Питер. Но там с 20 февраля они только размышляют над чистовиком (что-то новенькое в творческом процессе!), а через три дня вместе едут в Москву с тем, чтобы еще за десять дней выдать готовый чистовик. Все очень не-

типично. Не было такого еще ни разу: ни столь короткого зазора между черновым и окончательным вариантом, ни странных размышлений, ни таких внезапных совместных перемещений. И повесть получилась нетипичная.

Да, «Парень из преисподней» — так она будет называться — станет самым незначительным из всех произведений АБС: без серьезных открытий, без глубоких подтекстов, без неожиданных поворотов, но ведь и без претензий! А уровень мастерства уже таков, что читается книга на ура и образы созданы живые, запоминающиеся. И как еще один точный мазок, дополнивший масштабное полотно мира Полдня, «Парень...» был совсем, ну, совсем не лишним. Его, как и все вещи АБС, тоже приятно и любопытно перечитывать сегодня.

1 марта «Парень...» полностью готов к публикации и днями будет отправлен в редакцию. Повесть выйдет в двух последних номерах года, а в восьмом номере «Аврора» по ошибке даст рекламу «Миллиарда...», а не «Парня...». Ах, какая неслучайная случайность! Ах, какой тонкий намек Мироздания авторам: не пишите! Все равно ничего не получится. Этот совет немного опоздал, в июле они уже до половины сделали черновик.

А тогда, в марте, казалось бы, передохнуть еще недельку — и с новыми силами в бой, навалиться на «Миллиард...», но... У АНА голова занята чем-то совсем другим. Он неплохо отдохнул на южном солнце, ударив от давно опостылевшей московской зимы — то морозной, то слякотной, — но дело далеко не сделано, и главное, студия не заплатила пока ни копейки, кроме денег на билеты и командировочных. Он постоянно переписывается с тамошними людьми, прикидывает, когда ехать снова. В этой суете и нервотрепке пройдет полтора месяца — абсолютно не рабочих.

В «Худлите» выйдет роскошный том Акутагавы в Библиотеке всемирной литературы с участием, разумеется, А. Стругацкого и даже с его немаленьким предисловием. В «Мире» — рассказ Фредерика Брауна в сборнике в переводе С. Бережкова. Ну, вышли книжки — и хорошо. Это — не возбраняется.

18 апреля АН улетит в Душанбе уже конкретно за гонораром. Оттуда перед майскими праздниками напишет брату:

«Чувствую себя прекрасно. Этот крайний юг действует на меня удивительно. М. б., дело в том, что нет здесь нашей нервотрепки?»

Планирует вернуться 13-го, но ему там настолько хорошо, что он задерживается еще на две недели. Без всякой видимой необходимости. Впору просить политического убежища в Таджикистане. Только ведь не поймут — он же не от власти бежит. Она и в Душанбе советская — он от Мироздания прячется. Но сколько веревочке не виться...

Конечно, БН не пишет ему о своих проблемах — разве о таком пишут? — но некая тревога ощущается даже через тысячи километров, или просто совесть больная просыпается: сколько можно отлынивать от главного дела своего? Пора и честь знать.

В Москве АН еще будет некоторое время делать вид, что никакая такая повесть над ним не висит. Впрочем, вот что он пишет в Душанбе Леониду Пашенко 30 мая:

«Вернулся в Москву и, прежде всего, раздал долги. Теперь у меня их осталось рублей триста, и я поистине вздохнул с облегчением. Все-таки триста, а не полторы тысячи. Сейчас опять сажусь заниматься денежными пустяками. В Ленинград съездить и поработать по-настоящему по домашним обстоятельствам не удалось. Придется ждать для этого июля. Подождем, не впервой».

Помнит, что пора. Но... не едет. Какие-то у него там обстоятельства. И все-таки июля не дожидается — в Питер придет 24 июня. И тут уже БН начнет вроде как Ваньку валать. Разговор пойдет о чем угодно, только не о «Миллиарде...». И, наконец, АН поймет: брат его просто напуган, напуган до такой степени, что признаться страшно...

Пока он там жевал восточные сладости и запивал молодым вином, БН

отыскал в старом красном томике японской поэзии 1954 года издания идеальный эпиграф к повести, может быть, даже и не эпиграф, но суть ее, квинтэссенцию — вот эти просто волшебные строки Ёсано Акико, — и с удивительным изяществом подредактировал перевод самой Веры Николаевны Марковой:

*Сказали мне, что эта дорога
Меня приведет к океану смерти,
И я с полпути повернул обратно.
С тех пор все тянутся передо мною
Кривые, глухие, окольные тропы...*

Не только поменял женский род на мужской — это само собой, но и нашел «обратно» вместо «вспять» и «передо» вместо «предо».

Ну, знаете, за такую находку Мироздание по головке не погладит. Оно и ударило наотмашь. Неожиданно, больно, подло.

22 апреля (символично — в день рождения Ильича) арестовали Мишу Хейфеца. Близкого друга. Попался он на распространении статьи собственного сочинения «Иосиф Бродский и наше поколение». Для состава преступления хватило бы и одного имени опального, изгнанного поэта. Но написана не просто статья — написан по существу манифест целого поколения, поколения несогласных. И написан блестяще. Система таких вещей не прощала. Одно лишь начало статьи чего стоило:

«Взаимное непонимание людей двух миров, раскинувшихся по разные стороны «железного занавеса», — одна из самых увлекательных проблем для будущего социального психолога.

Даже наиболее эрудированные западные политики и советологи, когда берутся судить о советских делах, выглядят в нашей стране наивными людьми, обладающими поразительно интересной информацией, но в то же время неспособными правильно почувствовать суть элементарных для советского жителя проблем».

А еще там были такие, например, обидные для чекистов пассажи:

«...Бродский был слишком мелкой сошкой, чтоб на него обязательно тратили умственную энергию те немногие деятели ГБ, которые мыслят, составляя следственную игру».

И всех, включая самого БНа и Аду, таскали в Большой дом как свидетелей, как людей, читавших этот непотребный для советского гражданина текст. Или как подозреваемых. В Советском Союзе это была очень зыбкая грань. А между подозреваемым и обвиняемым порою и вовсе никакой грани не было... И навалилась сразу такая мешанина чувств: и Мишку жалко, и себя жалко, и зло берет, и ярость захлестывает, и хочется пойти одному за всех — на смерть, на подвиг, и хочется грудью лечь на амбразуру... и заснуть, и чтобы никто не трогал больше, и ну их всех к черту, в конце концов, все уже случилось, тем не помочь, а этим — необходимо, и, если до конца честно, то у него есть жена, и сын, и мама, и это намного важнее всего остального, да, да, да!.. Или на самом-то деле всего сильнее страх? Древний как мир, обыкновенный страх, темный, липкий и дурно пахнущий...

Буквально на следующий день после приезда АНа его и вызвали в очередной раз туда.

В рабочем дневнике есть запись:

«Б. был в ГБ».

Стихотворная строчка. Посильнее «Фауста» Гете и танки Ёсано Акико.

Какая уж там работа после таких испытаний!

В течение трех дней они обсуждают нечто очень отстраненное, нечто предельно далекое от главных проблем. Эскапизм. В чистом виде.

Пока были не вместе они оба, не сговариваясь, занимались практически

одним и тем же — писали сказки. Для детей. То есть занимались тем, чего никогда не умели. Для отвода глаз. Страусиная политика. Но... что выросло, то выросло. У АНа условия были идеальные, поэтому он свою сказку, состряпанную из мультфильма и уже обдуманную вдвоем, закончил целиком и даже успел в редакцию отдать, прямо там, по месту написания — и со дня на день ждал седьмого номера журнала «Памир». А там и гонорар за это благородное дело полагался. БН свою сказку пока только придумал и так, немного текста набросал чернового, поэтому теперь решил припахнуть АНа для преобразования этой болванки неотесанной в заявку на сценарий. Почему-то они решили, что это должен быть полнометражный телефильм. И за три дня, не взирая на все бесчинства КГБ, сотворили вполне внятную бумагу для телевидения.

Потом АН уехал. Ясно было, что БНа уже не посадят — так, страху натерпелся и хватит с него. А подробности... Наверное, и правда не стоило старшему влезать в подробности той истории. Меньше знаешь — крепче спишь. Это не пошлая житейская мудрость — это истинная правда. От расплзания информации подобного рода риск возрастал для каждого, а это было никому не нужно.

Аркадий уехал. Борис остался переживать свои проблемы.

Если б не было так тяжело в тот момент, может, и не получилась бы повесть такой... Какой она получилась. Не повесть, а крик отчаяния, не слова, а нервы оголенные.

Грех благодарить тех, кто все это устроил, но факт остается фактом — без них, родимых, это была бы и вправду повесть о том, как ад и рай тормозят развитие доблестной советской науки.

Помню, когда я разговаривал с Александром Николаевичем Сокуровым, и рассказал ему о тайном смысле повести, которую он имел честь экранизировать, мэтр разочарованно протянул, мол, это же так скучно, так мелко — какое-то КГБ... Никогда бы не стал он снимать фильм о противостоянии КГБ. Мироздание — это другое дело.

И в самом общем виде Сокуров, конечно, прав. Много чести этому КГБ — равнять его с Мирозданием. Но если спуститься с небес на землю, то извините, все наоборот: Гомеостатическое Мироздание — оно то ли есть, то ли нет его, то ли с большой оно буквы, то ли с маленькой, и можно рассмеяться ему в лицо, и теплом улыбки и силой любви своей победить вселенский кошмар и вечный холод. А с КГБ и любым другим гестапо такие феньки не проходят. Поздно иронизировать, когда кишки наматываются на гусеничные траки. И кстати, уж извините, супротив водопроводной трубы, которую прорвало, ирония и жалость (а также любовь и нежность) тоже совершенно бессильны.

Вот почему, на мой взгляд, у любой повести, у любого фильма идея должна быть глобальной, пусть даже абстрактной, но чтобы повесть эта брала читателя за горло, писать ее надо отталкиваясь от лично пережитого, будничного и потому самого жуткого кошмара. АНа в КГБ не таскали, у него были совсем другие, куда более частные проблемы, но делать свой выбор в те дни ему было ничуть не легче, может быть, даже тяжелее, чем любому из героев этой страшенькой автобиографической повести.

И что же, спросим еще раз: существует в реальной жизни это проклятое Мироздание или придумали его Стругацкие как одноразовую хохму — на одну повесть, на несколько часов мысленного эксперимента, а потом дочитал, хлопнул книжку — и все, выдохни. Вокруг спокойно все и безопасно. Ой ли!

Осенью 1978 года молодой писатель Сергей Сухинов спросил мэтра, сидя у него дома:

— Аркадий Натанович, а Вы сами-то ощущаете это давление?

Был вечер. За окном темно. В кухне полумрак. На столе бутылка коньяка, уже пустая на две трети, и большие яблоки, разрезанные пополам. Классик долго молчал. Ответить было не сложно, но, видно, прикидывал, стоит ли. Похоже, это была самая закрытая, самая личная для него тема.

— Видишь ли, Сережа, мы всё время делаем не совсем то, что надо высшим силам, и они постоянно вмешиваются в нашу жизнь...

Так и сказал. Сергей на всю жизнь запомнил.

А вот, что написал БН в своих «Комментариях...» по поводу вполне конкретного аспекта их деятельности:

«...Она (повесть «Пикник на обочине» — А.С.), безусловно, не содержала в себе НИКАКИХ нападок на существующий строй, а наоборот, вроде бы лежала в русле господствующей антибуржуазной идеологии... Так почему же тогда, по каким таким загадочным — мистическим? инфернальным? (выделено мною — А.С.) — причинам обречена она оказалась на прохождение через издательство в течение ВОСЬМИ с лишним лет!»

Кажется, не слишком типичная лексика для ученого-астронома и прожженного материалиста. Допекли, называется.

Сборник под названием «Неназначенные встречи», куда по предложению авторов включили три повести о контактах с инопланетным разумом («Отель», «Малыш» и «Пикник...») стоял в планах издательства на 1972 год. И первым локальным ударом он был не то чтобы передвинут на 1973-й, а просто задвинут бог знает куда с невнятными отговорками. Редакцией тогда по-прежнему руководил Жемайтис, и он еще дважды вставлял сборник в ежегодные планы, и Бела Григорьевна терпеливо готовила новые варианты договора, однако нормально работать им уже не давали. Менялось руководство наверху, менялось настроение главного редактора Осипова, и кто-то упорно намекал ему, что со Стругацкими лучше не связываться вообще, да и с Жемайтисом, строго говоря, тоже.

У Белы Ключевой сохранился экземпляр договора от 10 мая 1973 года. Повести там не перечислены, правда, указан объем — 24 листа и ставка — 300 рублей за лист в случае массового тиража, но тираж какой-то чудной — 15 000, отнюдь не массовый по тем временам вообще, а для Стругацких — просто несерьезный.

Но все это уже не имело ровно счетом никакого значения, потому что через год и этот договор будет аннулирован. Сергей Георгиевич перед самым своим увольнением в 1974-м еще успеет подсунуть директору Ганичеву очередную редакцию договора, но тот положит его под сукно и теперь уже надолго — хлопотать за Стругацких станет некому, кроме них самих.

Никогда раньше сами за себя они нигде никого и ни о чем не просили, а тут вдруг закусили удила и поняли — надо. И решили не сдаваться ни за что, стоять насмерть, идти до конца. Не как Малянов, а как Вечеровский.

Повесть «За миллиард лет до конца света» была написана фактически в три приема. С 15 по 24 июля БН приехал в Москву специально для этого, и они сделали больше половины черновика. С 5 по 16 сентября в Комарове закончили черновик, и не могли им помешать ни новые, непривычные зубы АНА, которыми он занимался весь конец августа, ни даже двухдневное отсутствие БНА — он был в городе, на суде по делу Хейфеца — 9 и 10 сентября. Наконец, с 26 ноября по 5 декабря опять в Комарове они с разгону, без остановок преодолевают последний этап и готов чистовик, на семь страниц короче черновика. Всё. Победа! Понимают ли они, что главные бои еще впереди? Наверняка понимают. Ведь повесть должна дойти до читателя, а это с каждым годом получается все труднее и труднее... «Аврора» почти взяла повесть, но летом 1975-го вдруг потребовала перенести действие ее, скажем, в США. Это — безумие, и авторы откажутся. Но в другом журнале им повезет больше. Верные друзья из редакции «Знание — сила» — Роман Подольный, Таня Чеховская, Галя Бельская — сумеют протащить рукопись через все препоны. Конечно, не без задержек, не без правки, но все—таки и не через восемь лет. С сентябрьского номера 1976 года «Миллиард...» начнет выходить в популярном массовом журнале, имевшем тог-

да тираж пятьсот пятьдесят тысяч. Но с книжной публикацией окажется сложнее. Чтобы она состоялась, придется сначала победить главного монстра на службе Гомеостатического Мироздания — «Молодую гвардию», издательство становящееся на глазах не просто равнодушным, но враждебным для АБС.

Об этом — наша следующая глава.

Заключительный аккорд

Это было в конце 1970-х. Новую повесть «За миллиард лет до конца света», только что опубликованную в журнале «Знание — сила», АН решил отнести в издательство «Советский писатель» и предложить им сделать сборник. Поскольку остальные вещи являлись переизданиями, рецензия потребовалась только на «Миллиард...». К тому времени знакомых в литературном мире у АНА было уже полно, нашелся кто-то и в «Совписе», так что отношение в целом было вроде доброжелательным. В какой-то момент все зависело от рецензента. И тут повезло: им оказался Георгий Витальевич Семенов, хороший писатель и человек глубоко порядочный, а плюс к тому он еще и жил на Малой Грузинской в одном доме с Мариком Ткачевым и Жоржем Садовниковым, встречался с Аркадием и там, и там, а уж в ЦДЛ они точно пивали не раз. Но Семенов, чудак, прочесть прочел, а рецензировать отказался. Для него фантастика вообще в этом мире не существовала, не понимал он ее ни в каком виде. Прозу писал сугубо традиционную — в духе Юрия Казакова, с которым дружил, и даже считал себя его учеником. А это, говорит, не мое. Даже какие-то хорошие слова сказал, но писать не взялся. Ну, нет, так нет. Стругацкий сам за себя просить не привык — это был принцип. Но Жорж Садовников уж и так, и так объяснять пытался: «Ты пойми, тезка, у Аркаши очень сложное положение, ему сейчас помочь надо, ведь это ж просто повезло, что к тебе попало!» А тот ни в какую: «Да не могу. Ну, как я буду писать о фантастике?» «При чем тут фантастика? — кипятился Жорж. — Тыними листочки с этой капусты, разгляди кочерыжку, уверяю тебя — это литература. Про нее и пиши».

Тяжело с талантливыми писателями. У каждого — свои закидоны. Уговорить не удалось. Отдали другому. Другой совсем не понял. Или наоборот — слишком хорошо понял и зарубил. Издание отложили лет на шесть или семь.

Но у истории этой было забавное продолжение.

Семенов всегда работал по ночам. Привычка осталась с тех пор, когда жил в большой семье, в коммуналке и писалось ему только, если все засыпали. Бывало, он будил жену свою Лену среди ночи, прочтет ей абзац-другой, получит от нее заслуженное восхищение и продолжает, а она засыпала. И вот как-то после очередных возлияний в ЦДЛ вместе со Стругацким накатило вдохновение, и он писал, не глядя на часы. Ночь была ясная, лунная. И вдруг... Открывается балконная дверь, и входят оттуда двое. Вроде люди как люди, но ведь десятый этаж... А у самого ни страха, ни тревоги, и совершенно ясно, что это — пришельцы. Ну, здравствуйте. И они ему так заботливо, по-отечески объясняют, в чем причина всех его бед и неудач. А он слушает и верит им. Да и как не поверить, когда все так понятно и просто! Спасибо, говорит, вам, спасибо. И они ушли. Семенов потом клялся, что он не засыпал за столом, что это не во сне было, рукопись свою показывал, на которой и записал все самое главное. Первый, кому он позвонил утром, был, конечно, Стругацкий. Ну, а с кем еще можно всерьез поговорить о пришельцах.

— Аркаша, — проговорил он с ужасом и восторгом, изложив предысторию. — Они мне сказали, что Я НЕДООЦЕНИВАЮ КВАНТОВУЮ ЭНЕРГИЮ ОТРАЖЕННОГО ЛУЧА. В этом все дело. И ночью это было так понятно! А теперь...

— Квантовую, говоришь? — солидно запыхтел Аркадий. — Интересно. Очень интересно. Я тебе вот что скажу, энергию отраженного луча ты и в самом деле сильно недооцениваешь, я бы сказал, очень сильно.

Сердце писателя Георгия Семенова застучало часто-часто и ухнуло куда-то вниз живота. Подумалось: «Ну, вот и все...»

— Однако, видишь ли, — продолжал Стругацкий, — поскольку ОНИ говорили о квантовой энергии, дело намного проще. Намного, — он выдержал театральную паузу. — Пить надо меньше. (Тишина в ответ.) Алё, Жора! Надо меньше пить.

ОБ АВТОРЕ:

МОЛЧАНОВ АНТОН ВИКТОРОВИЧ

Литературный псевдоним — Ант Скаландис

Родился в Москве в 1960 году.

По образованию инженер-химик (МХТИ им Д.И.Менделеева).

Издатель, прозаик, публицист, редактор, сценарист.

Секретарь Союза писателей Москвы, сопредседатель Совета по фантастической и приключенческой литературе и Международной ассоциации писателей-фантастов, член правления Литфонда, PR-директор издательства «Анаграмма», заместитель главного редактора ИД «Равновесие», литературный агент и доверенное лицо Бориса Натановича Стругацкого и Бориса Львовича Васильева.

Публикации: десятки рассказов, повести, романы, 7 авторских книг (не считая переизданий), к первому роману «Катализ» — предисловие Б.Н.Стругацкого; сотни статей, эссе, интервью, очерков, репортажей («Книжное обозрение», «Литературная газета», «Независимая», «Вечерняя Москва», «Труд» и др. издания); сценарии сериалов.